

А.А. Сушенцов

*Внешиполитические платформы Республиканской партии США:
изоляциялисты, реалисты, неоконсерваторы*

Б.В. Межуев

«Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны»

В.В. Ванчугов

*Информационно-коммуникативные технологии американских
консерваторов в президентской кампании 2016 года*

Внешиполитические платформы Республиканской партии США: изоляциялисты, реалисты, неоконсерваторы

С начала 2010-х в американской политике отчетливый тренд – стремление администрации уклоняться от ресурсоемких внешнеполитических инициатив и сосредоточиться на вопросах внутренней политики и оживления экономической активности в стране. Однако динамичные перемены на Ближнем Востоке, необходимость завершать войну в Афганистане, удерживать Иран от обретения ядерного оружия и следовать курсу на усиление присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе побуждали США сохранять высокую интенсивность своего участия в мировых делах.

Помимо роста изоляционистских настроений на родине, затрудняли американские действия два других важных обстоятельства: относительное сокращение военных и финансовых ресурсов для поддержки внешней политики¹ и складывание комплекса стойкого неприятия американского активизма в мире, в том числе среди ближайших союзников США в Европе. Ухудшение международной среды и сокращение доступных ресурсов поставили перед Вашингтоном задачу адаптации глобальной стратегии. Оставляя неизменными заявленные приоритеты политики, США стремились найти способы более эффективного достижения своих целей.

При этом среда выработки внешней политики определяется уникальным географическим положением США в мире. С течением времени это положение определило константы стратегии Вашингтона, которые являются неизменными как для демократов, так и для республиканцев.

Логика международной стратегии США

Во-первых, в результате уверенного, но позднего вступления в круг великих держав США не получили «классического» европейского опыта конфликтов и сотрудничества, плодом которого является постоянство и рассудительность в международных делах. Колебания настроений американской элиты между изоляционизмом и экспансионизмом подчеркивали отсутствие твердо осознанной потребности в глобальном лидерстве. В результате процесс рационального осознания Вашингтоном собственных интересов в региональных конфликтах

¹ Барак Обама стал первым американским президентом, под руководством которого объем совокупного ВВП стран трансатлантического сообщества упал ниже 50% мирового. См.: *Monaghan A. Western Economies Poised to Account for Less than 50pc of World GDP // The Daily Telegraph, June 2, 2009.*

Сушенцов Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа политических проблем факультета политологии МГИМО, программный директор Валдайского клуба, руководитель агентства «Внешняя политика». E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

вдали от Северной Америки нередко искажается идеологическими схемами. Во-вторых, длительное доминирование США в западном сообществе и опыт односторонних решений 1990-х годов привили Белому дому стойкую неприязнь к равенству и неверие в международные институты. Наконец, экономическое благополучие и технологические прорывы десятилетия после конца холодной войны укрепили веру американского истеблишмента в исключительную – преобразовательную – роль Америки в мире, на которую не должны распространяться закономерности международной политики.

Это делает политический и стратегический опыт США несовершенным. Для поддержания мировой стабильности необходимо понимание практической пользы суверенитета и возникающих в связи с ним правил применения силы и самоограничения. В свою очередь это выдвигает особые требования к качеству дипломатии. Навязанные силой извне перемены, экспорт революции как стратегия могли работать в ситуации подавляющего превосходства США, однако зенит этой политики проходит.

США также с трудом осознают, что главный аспект мировой политики – субъективный, человеческий – требует понимания разности национальных общечитий и эмпатии, особенно для целей управления этой разностью (как в Афганистане и Ираке)¹. Наконец, современный американский универсализм – демократизация – по сути является антиисторичным взглядом на мир. США искусственно ускоряют заведомо медленные процессы, на развитие которых требуются столетия. Вашингтон не учитывает непредсказуемость мирового развития и часто не видит косвенных последствий своего активизма. США также плохо извлекают уроки из своего опыта из-за того, что упрощают или игнорируют историю: такой подход рисует будущее беспечным и глубоко отличным от прошлого².

В постидеологическом мире, где поведением стран руководит *прагматизм*, пространство для миссионерских инициатив по демократизации сокращается. Демократия перестает восприниматься как уникальная черта Соединенных Штатов и становится общечеловеческим достоянием, условием устойчивого развития. В этом обстоятельстве большая заслуга США, однако они утратили монополию на этот институт. Задача осмысления новых условий международной среды и изменившихся возможностей США по управлению ими стоит сегодня перед Вашингтоном.

Поддержание своего присутствия в планетарном масштабе требует от США колоссальных ресурсов. Последние симметричным образом распределены между разными компонентами мощи Соединенных Штатов – от военной силы и программ содействия международному развитию до экспорта популярной культуры и интернет-сервисов. Однако от страны-лидера требуется большее. В первую очередь – гарантировать стабильность регионального порядка даже в том случае, если его нарушение не затрагивает жизненные интересы лидера. Это требует от США двух важных компетенций: трезвой оценки региональной ситуации и собственных интересов в связи с ней. Опыт лидерства Вашингтона в североатлантическом сообществе со второй половины XX века имел ряд особенностей, которые препятствуют США эффективно выполнять лидерские функции в мировом масштабе.

Американское лидерство и лежащая в его основе версия универсализма – плод исторических обстоятельств развития Соединенных Штатов, в первую очередь географии, климата и пояса соседства. «Островное» положение

¹ *Dao J.* To Reach Out, Befriend and Kill When Necessary: An Ever Trickier Terrain // The New York Times. August 27, 2013.

² *McMaster H.R.* The Pipe Dream of Easy War // The New York Times. July 20, 2013.

США, их удаленность от эпицентра международных угроз (который столетиями располагался в Европе), способствовал тому, что американцы стали естественными изоляционистами. Отцы-основатели государства в силу недостатка ресурсов не видели перспектив участия Америки в европейских делах и призывали сосредоточиться на освоении североамериканского континента¹. Не будет ошибкой считать, что изоляционизм и экспансионизм США являются родственными доктринами, используемыми попеременно в зависимости от доступных ресурсов и обстоятельств.

Логика стратегии США характерна для развитых морских держав, основа благополучия которых строится на морской торговле. Она заключается в контроле над ключевыми морскими коммуникациями путем постоянного передового базирования флота, способного действовать в открытом океане, и создания системы военных союзов, обеспечивающих его базирование в удаленных географических точках. Могущество флота США позволяет гарантировать неуязвимость американского «острова».

Становление внешнеполитических платформ Республиканской партии

В XIX веке сферой интересов США было исключительно их ближайшее окружение в Северной и Латинской Америке. Принцип взаимного невмешательства Старого и Нового света в дела друг друга был изложен в 1823 году президентом Дж. Монро². Завершив движение континентального фронта, США начали постепенно втягиваться в мировые процессы. И если после Первой мировой войны в США все еще продолжалась дискуссия о целесообразности присутствия в Старом свете, то по итогам Второй мировой войны Соединенные Штаты прочно закрепили за собой место глобальной державы. Помимо участия американских войск в борьбе с фашизмом, мировой масштаб американской стратегии укрепили три ключевых процесса: создание системы противовесов СССР в виде ООН и НАТО, экономическая помощь Европе по плану Маршалла и замещение Франции и Британии как главных гарантов порядка на Ближнем Востоке.

Не все американские политики приветствовали такое развитие событий. Лидером *изоляционистов* в середине XX века был сенатор-республиканец от штата Огайо Р. Тафт, который утверждал, что конечной целью внешней политики должна быть защита свободы американских граждан – в первую очередь от злоупотреблений властью со стороны правительства [6, р. 11]. И хотя взгляды Тафта были осуждены как устаревшие большинством американцев, рассуждения в духе изоляционизма не исчезли из политического дискурса США.

Период окончания холодной войны ознаменовался новой дискуссией о приоритетах внешней политики, в которой позиции изоляционистов были сильны. Наблюдая относительный упадок мощи США на рубеже 1980–1990-х годов, изоляционисты призывали избегать «имперского перенапряжения». Консервативный американский публицист, постоянный представитель США в ООН Дж. Киркпатрик, писала в 1990 году, что настал конец эпохе, требовавшей от Соединенных Штатов внутренней мобилизации: наступило «нормальное время», и США пора стать «нормальной страной» [5].

По оценкам многих экспертов, в нынешнее десятилетие американское руководство может вернуться к проведению изоляционистской внешней по-

¹ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990.

² President James Monroe's Seventh Annual Message to Congress on December 2, 1823. URL: <http://www.law.ou.edu/ushistory/monrodoc.shtml> (дата обращения: 17.08.13).

литики. Причины возможной смены курса кроются как в недостаточности ресурсов после финансового кризиса, так и в последствиях экспансионистской внешней политики Джорджа Буша-мл. Причем идеи изоляционизма становятся популярными не только среди демократов, но и республиканцев, что казалось немыслимым еще десять лет назад.

Неприятие гражданами активной внешней политики может объясняться отсутствием ясного противника. Интервенционистская внешняя политика США пользовалась поддержкой электората только тогда, когда цели были предельно понятны – противостояние коммунистической угрозе во времена холодной войны, распространение демократии в 1990-х, борьба с терроризмом в 2000-х годах. Сегодня мотивация для глобального лидерства США отсутствует, а опросы общественного мнения показывают повышение внимания американцев к внутренним проблемам.

Задачей текущей политики США стало сохранение отрыва лидерства на возможно более длительный срок. Дискуссия между авторами различных направлений, по существу, проходит вокруг трех ключевых вопросов: во-первых, о природе перемен в международных отношениях, во-вторых, об объеме доступных Соединенным Штатам ресурсов, в-третьих, о надлежащих в связи с этим способах управления глобальной системой.

Радикальное крыло политиков с начала 1990-х годов выступило с критической оценкой сложившейся мировой ситуации. Ключевыми проблемами назывались опасность появления сопоставимого с США по мощи конкурента, бедственное положение демократии в мировом масштабе, неэффективность международного сотрудничества в области безопасности и угрозы применения ОМУ периферийными государствами. Американские *неоконсерваторы*, составляющие ядро этого радикального направления, призывают осуществлять прямой контроль над беспокойными регионами планеты, не пренебрегая военным вмешательством. Предлагаемый радикалами образ мира представляет собой опасный, непредсказуемо и беспорядочно развивающийся набор процессов, каждый из которых требует не только внимания, но и контроля. Положение США воспринимается как неустойчивое, а вероятность войны оценивается как высокая.

Глобальное управление неоконсерваторы понимают как один из аспектов оборонной политики США. В центре представлений аналитиков этого направления находится убеждение (сформулированное заместителем министра обороны П. Вулфовицем в 1992 году в форме проекта секретной записки о новом подходе США к мировому лидерству) о необходимости противодействовать опасности появления сопоставимой с США по мощи державы [8]. В категориях «игры с нулевой суммой» радикалы относятся к разделению мировых ресурсов, стремятся усилить ресурсную базу США, одновременно препятствуя монопольному контролю над ресурсами отдельного региона со стороны какой-либо из великих держав. Разделяя в целом критическое отношение к международным организациям, неоконсерваторы воспринимают НАТО скорее не в самостоятельном качестве, а как инструмент распространения демократии, «перезакладки» экономических и военно-политических основ принятых в Трансатлантический альянс стран [1; 2]. Хотя потенциал сдерживания признается и за НАТО, неоконсерваторы полагают, что «единственное надежное средство против агрессии... заключается в распространении демократии»¹.

В записке Вулфовица также впервые излагалась концепция односторонних действий, которая основывалась на тезисе, что «мировой порядок, в конечном счете, держится на США». Отвечать на существующие угрозы США, список

¹ Kirkpatrick J. Proposed Enlargement of the North Atlantic Treaty Organization. Senate Foreign Relations Committee. October 9, 1997.

которых возглавляли Ирак и КНДР, предлагалось упредительно. Фактически Вулфовиц выступил с доктриной военного доминирования Соединенных Штатов, что было шокирующим признанием для эпохи начала 1990-х годов даже для американской публики.

Тем не менее в 2000-х годах Белый дом при Дж. Буше-мл. принял на вооружение буквально все эти концептуальные предложения, начиная от «предупреждения появления сопоставимого по мощи противника» до концепций «упредительных ударов» и «односторонних действий». Доктринальные документы правительства и особенно министерства обороны были насыщены духом и буквой идей Вулфовица. По инициативе президента Дж. Буша-мл. наибольшее развитие получило предложение об установлении Соединенными Штатами убедительного примера образцового мирового лидерства. «Эталон» американской демократии стал задавать параметры условно «нормального» государства. Наиболее последовательным сторонником распространения «демократии» выступал сам Дж. Буш-мл. С большим энтузиазмом эту идею поддержало «военное» крыло в Белом доме. Однако сфера подлинных приоритетов вице-президента Р. Чейни и министра обороны Д. Рамсфелда лежала в области безопасности, а не в сфере распространения демократии, на которую они смотрели как на побочный продукт политики США.

Другой взгляд на проблему глобального управления развивался политиками-реалистами в рамках прагматической мировоззренческой позиции. В ее основе лежит представление о природе перемен в мировой системе как результате действий отдельных государств по трансформации существующих в системе норм и порядков в целях решения собственных задач. Задачей прагматиков стала выработка рекомендаций по созданию таких условий международной среды, которые способствовали бы стабилизации системы и «отваживали» бы ее участников от стремления пересмотреть «статус-кво».

Реалисты предлагали оптимистичный анализ угроз безопасности Соединенных Штатов. Американский политолог У. Уолфорт полагал, что сложившаяся структура распределения мощи в мировой системе такова, что она способствует гегемонии США и препятствует стремлению других государств уравновесить их мощь [7, р. 117]. Его поддержал принадлежащий либеральной традиции аналитик Дж. Айкенбери [4, р. 258], который, вместе с тем, настаивал на том, что гегемон должен заручиться поддержкой большинства участников системы, включая возможных конкурентов, предложив им выгодные условия международного конституционного порядка. Эталоном реалистической политики в США считаются республиканская администрация Дж. Буша-ст., деятельность советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта и попытки госсекретаря К. Пауэлла противостоять неоконсерваторам в правление Дж. Буша-мл.

Сторонники прагматического направления выступают против односторонних действий США на мировой арене. В основе этого убеждения лежит представление о конечности внешнеполитических ресурсов гегемона. В одиночку можно рассчитывать на контроль только над определенными типами конфликтов, но не над всеми и не везде. Примечательно, что популярный американский политолог либерального направления Ф. Фукуяма, в середине 2000-х порвавший с неоконсерватизмом, критиковал радикалов в Белом доме именно за чрезмерное преувеличение мощи США и их способности контролировать мировые процессы [3].

Основные направления дискуссий о роли США в мире, о формировании американской внешней политики отражены и в политических кругах. Возобновление дискуссии о необходимости ограничения амбиций Соединенных Штатов в наибольшей степени затронуло Республиканскую партию. Это вызвало острую внутрипартийную полемику, в которой просматриваются зачатки партийного

кризиса, каковой в свою очередь может сказаться на выдвижении кандидатов на пост президента на предстоящих выборах в 2016 году.

Внешнеполитические программы кандидатов на пост президента в 2016 году от республиканцев

По опросам общественного мнения, наиболее вероятными соперниками за номинацию от республиканцев станут магнат Дональд Трамп, врач Бен Карсон, сенаторы Рэнд Пол (Кентукки), Марко Рубио (Флорида) и Тед Круз (Техас). В один ряд с ними некоторые аналитики ставят также младшего брата Дж. Буша-мл. Джеба Буша и губернатора Нью-Джерси Криса Кристи. Все они представляют так называемое «новое поколение» республиканцев, которое противопоставляют «ветеранам» партии – «ястребам» во главе с сенатором Джоном Маккейном и экс-лидером республиканского большинства в Палате представителей Эриком Кантором.

Кандидаты республиканцев опираются на одну из трех внешнеполитических платформ – неоконсерватизм, реализм и изоляционизм, – что отражает ключевые подходы членов партии к определению роли США в мире. Ближайшие выборы президента покажут, какой из этих подходов является наиболее популярным в американском обществе.

Самой многочисленной платформой на протяжении последних двух десятилетий является *неоконсервативная*. Ее сторонники выступают за военное доминирование США в мире, основанное на ощущении американского всемогущества. С таких позиций среди республиканских кандидатов выступают сенатор Марко Рубио и выходец из корпоративного сектора Карли Фиорина.

Сенатор от Флориды Марко Рубио – кубинского происхождения и самый молодой потенциальный кандидат от республиканцев (43 года). За относительно короткий срок работы в Сенате – с января 2011 года – он собрал вокруг себя профессиональную команду и снискал репутацию инициативного конгрессмена в вопросах национальной безопасности. Таким образом, он один среди лидеров республиканской гонки может похвастаться серьезным внешнеполитическим багажом. С 2011 года он состоял в комитетах по международным делам и по делам разведки. По словам самого кандидата, он «имеет доступ к самым конфиденциальным сведениям, которыми только обладает американское правительство». Будучи нередко на острие многих спорных инициатив, он часто подвергается критике. Есть мнение, что он может стать неплохим вице-президентом. Рубио уже входил в число наиболее вероятных претендентов на этот пост в 2011 году при Митте Ромни, однако тогда выбор пал на другого амбициозного молодого республиканца – Пола Райана.

Как ни странно, на первых порах внешнеполитическим образованием республиканца Рубио занимался демократ Джон Керри, в те времена глава Комитета по международным делам. Позже его в этой роли сменил Джейми Флай. Бывший советник в администрации Дж. Буша-мл., он главным образом прославился как один из основателей неоконсервативного центра «Внешнеполитическая инициатива». Эта структура ставит перед собой задачу сохранить заложенные в годы Дж. Буша-мл. традиции агрессивной защиты американских интересов на международной арене. Рубио, американец кубинского происхождения, выделяется на фоне других «слонов» крайне негативным отношением к налаживанию отношений с Гаваной.

Единственная женщина, пожелавшая принять участие в республиканской гонке, – Карли Фиорина (60 лет). Самая влиятельная, по версии журнала «Fortune», бизнесвумен Америки на разных этапах карьеры занимала посты исполнительного директора таких компаний, как AT&T и HP. Считается, что она уже

консультирует стратегов Республиканской партии по ключевым вопросам, и в ситуации спроса на кандидата-женщину от «слонов» у нее есть шансы на эту роль.

Особые надежды возлагаются на возобновление прагматичных подходов Республиканской партии к международным делам, как то было в президентство Дуайта Эйзенхауэра, Ричарда Никсона и Джорджа Буша-ст. Между тем, реалисты пока находятся в меньшинстве, однако это меньшинство – влиятельное и имеет большие перспективы выйти в мейнстрим. Приверженцами реализма можно считать Дональда Трампа, Теда Круза, Криса Кристи и Джеба Буша.

Молодой (44 года) сенатор от штата Техас Тед Круз, первый сенатор от Техаса кубинского происхождения, уже успел организовать собственный небольшой «мозговой трест» консультирующих его экспертов и пытается выглядеть более осведомленным по многим вопросам, чем его однопартийцы. Его жесткость и дерзкая манера вести дискуссию обеспечивают ему приличные шансы на победу во внутривнутрипартийных дебатах и более сомнительные – на всеобщих президентских выборах, в случае если он до них дойдет. О его политическом стиле говорят: «Он ярко горит, но быстро сгорает».

Джеб Буш (61 год), бывший губернатор штата Флорида, может быть, и не обладает значительным опытом во внешней политике, зато за его спиной стоит внушительная армия соратников. Еще в феврале 2015 года он огласил обширный список своих советников по внешней политике, в который вошли неоконсерваторы из окружения его отца, 41-го президента Джорджа Буша-ст., его брата, 43-го президента Джорджа Буша-мл., а также республиканца Рональда Рейгана, 40-го президента США. Несмотря на авторитетность имен, аналитики считают, что эти советники могут сослужить Джебу Бушу плохую службу. Во-первых, этот список сразу поставил под сомнение его заявление о том, что он «сам себе хозяин», а его взгляды «формируются под воздействием собственного образа мыслей и собственного опыта». Во-вторых, сегодня перед командой Буша стоит непростая задача: не отказываясь от богатого политического наследия семьи, кандидату необходимо дистанцироваться от иракской кампании своего брата, которую большинство американцев считает внешнеполитической ошибкой. Хотя многие американцы убеждены, что «еще одного Буша в Белом доме страна не выдержит», ресурсы для возвращения в большую политику у него имеются.

Губернатор Нью-Джерси Крис Кристи (52 года) – председатель Ассоциации губернаторов-республиканцев, один из наиболее влиятельных членов партии. Он считается одним из самых сложных соперников для любого кандидата от демократов и серьезно рассматривается в верхах партии как кандидат на победу.

Самым эпатажным кандидатом является Дональд Трамп – бизнесмен-миллиардер, шоумен и, к всеобщему изумлению, нынешний лидер республиканской гонки, отличившийся целой серией эпатажных высказываний по актуальным вопросам внешней политики США. В отличие от других кандидатов, окруживших себя многочисленными советниками, Трамп полагается на свою обычную команду – менеджеров, управляющих его глобальной империей. Вообще, по его словам, он уделяет предвыборной кампании не более пятидесяти процентов своего времени и не видит никакого смысла детально вникать во внешнеполитические проблемы, потому что «ситуация в мире меняется каждый день».

Изоляционистская платформа до недавнего времени практически совсем отсутствовала в рядах республиканцев, однако сегодня многие эксперты говорят о том, что к президентским выборам 2016 года изоляционизм может стать одной из главных идей в Америке. Именно среди республиканцев заметны наи-

более радикальные изоляционисты. К ним относят в первую очередь сенатора от штата Кентукки Рэнда Пола (51 год), которого вслед за его отцом, Роном Полом, активно поддерживает так называемая Чайная партия, выступающая за снижение американского глобального присутствия, сокращение военных расходов и помощи третьим странам. Изоляционистские взгляды Рэнда Пола делают его непопулярным в глазах ряда соратников по партии – особенно среди «ветеранов». Серьезным препятствием для него может стать и израильская ориентация многих его коллег по партии, в то время как сам Пол считает, что обеспечение безопасности Израиля не должно быть императивом американской политики на Ближнем Востоке. Это ставит под вопрос его успех в борьбе за номинацию. Однако именно такие взгляды наиболее соответствуют настроениям американцев и могут обеспечить победу представителю Республиканской партии.

Если взглянуть на кандидатов от республиканцев с точки зрения российских интересов, то избрание кого-либо из них не сулит России перемен к лучшему. Поэтому разумнее рассмотреть, победа кого из них – наименее плохая новость для Москвы. Исходя из этой логики, худшими вариантами выглядят Дональд Трамп и Тед Круз. Трамп – потому что он не готов играть по правилам и искать компромиссы. Вероятно, он сначала попытается наладить отношения с Москвой, но когда поймет, что проблемы значительны, разочаруется и заявит, что иметь дел с Россией он не будет. Круз сильно идеологически заряжен и настолько негибок, что с ним просто не о чем будет разговаривать, – он может сразу выступить с позиций, которые для России окажутся неприемлемыми.

Правда, надо учитывать, что сегодня хорошие отношения России и США – это ненормально. Для этого просто нет объективных оснований. Товарооборот между странами минимален, нет крупных инвестиционных проектов, нет лоббистских групп, которые пострадают, если отношения деградируют. Поэтому реалистичная задача – не сделать отношения хорошими, а сделать их конструктивными, предсказуемыми и учитывающими взаимные интересы. Если в США появится президент, готовый к диалогу на этих условиях, то двусторонние отношения смогут выйти из их нынешнего состояния.

Литература

1. *Богауров А.Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // *Богауров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2002. С. 356–372.
2. *Троицкий М.А.* Трансатлантический союз. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004. М.: НОФМО, 2004.
3. *Fukuyama F.* Neoconservative Moment // *The National Interest*. 2006. Summer. No. 76.
4. *Ikenberry G.J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001.
5. *Kirkpatrick J.* A Normal Country in a Normal Time // *The National Interest*. Fall 1990. P. 40–44.
6. *Tuft R.A.* A Foreign Policy for Americans. N.Y.: Doubleday&Company, 1951.
7. *Wohlforth W.* U.S. Strategy in a Unipolar World // *America Unrivaled: The Future of the Balance of Power* / G. John Ikenberry, ed. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
8. *Wolfowitz P.* Defense Policy Guidelines. 1992. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm>

Аннотация. В статье делается попытка определить факторы, определяющие внешнюю политику США на современном этапе. Прослеживаются этапы становления внешнеполитической повестки Республиканской партии, соотношение идейных установок и политической практики неоконсерватизма и реализма. Делается обзор внешнеполитических программ участников республиканских праймериз 2016 года.

Ключевые слова: внешняя политика США, изоляционизм, неоконсерватизм, реализм, президентская избирательная кампания в США 2016 года.

Andrey Sushentsov, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, International Problems Applied Analysis Department, MGIMO Political Affairs School; Operations Director, Valday Club; Senior Manager, "Foreign Policy" Agency. E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru

Foreign Policy Platforms of the United States Republican Party: Isolationists, Realists, Neo-Conservatives

Abstract. In this article the author tries to single out the determining factors of the USA modern foreign policy. He examines the stages of Republican Party foreign policy formation, the correlation of ideological directives and political practice of neo-conservatism and realism. The author gives an overview of the foreign policy agenda of the Republican candidates in the primaries of 2016.

Keywords: USA Foreign Policy, Isolationism, Neo-conservatism, Realism, Presidential Elections Campaign in the USA in 2016.

